

ВЕСТНИК

**НОВОСИБИРСКОГО
ОБЛАСТНОГО КОЛЛЕДЖА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

1'2005

Жимулёва Е.И.
Хранители старины

Поразительно, до чего разноголосый, многоликий, быстро меняющийся мир окружает нас. Стремительно проносятся моды, пристрастия, всевозможные индустриальные технологии, человеческие жизни, наконец. Трудно представить, что где-то и порой даже не столь далеко от шумных мегаполисов бьют еще живые родники народной традиции, передаваемой из поколения в поколение на протяжении многих веков. Звучат еще голоса, идущие из глубины времен и расстояний, находят заинтересованных исполнителей и слушателей подлинно высокое народное искусство – сложная, мастерская традиция русской протяжной песни, духовных стихов, похоронных плачей, а также веселых, озорных танцев – крутух, кадрилей, хороводов. Им, хранителям старины, донесшим до начала XXI века напевы прошлых столетий, и посвящается эта заметка.

Северный район Новосибирской области. Огромные безлюдные просторы, буреломный лес, болота, изматывающий гнус, нежаркое лето и морозная зима – от хорошей, привольной жизни в такую глушь вряд ли забредешь. Этот суровый край приютил людей, не нашедших себе места в европейской части России. В начале XX века эти земли заселялись выходцами из густонаселенных районов Поволжья (русские, чуваша, мордва, татары) и других регионов государства Российского. В общем потоке новопоселенцев оказались «ревнителю древлего благочестия» – старообрядцы, которых в далекие сибирские края манили не только земельные угодья, но и возможность безпреткновенно сохранять веру и обычаи предков. В болотистый васюганский край староверы из западных районов России (территория современной Белоруссии) прибывали преимущественно в 900-е гг. XX века, образовав при этом целый куст деревень (Бергуль, Морозовка, Платоновка Северного р-на, Макаровка Кыштовского р-на и, значительно восточнее, Козловка Болотнинского р-на НСО). Есть все основания полагать, что в Витебскую губернию староверы мигрировали из Новгород-Псковского края или же из-под Москвы в середине XVIII века. Оттуда, с Русского Севера и центра России через столетия и тысячи километров словно тянется ниточка песенно-танцевальной традиции «белорусских старообрядцев», или, как они сами себя здесь называют, «кержаков».

Одна из последних исполнительниц, владеющих этой традицией – Лукерья Васильевна Гну-

това (Атопкина). Лукерья Васильевна (или же «баба Луша», как зовут ее односельчане) родилась в 1922 году в деревне Платоновка (что примерно в 30 км от села Северного), ныне исчезнувшей. Родители Лукерьи Васильевны к тому времени уже 14 лет жили в Сибири, приехав сюда из с. Ластовичи Витебской губернии. Проживание предков бабы Луши в Белоруссии ясно слышится и в ее говоре: «вчили» (вместо «учили»), «цвяты», «полятайте». Через всю свою долгую и тяжелую жизнь, полную труда, горя и лишений, пронесла, не забыла, не растеряла Лукерья Васильевна родное певческое искусство. Слушая ее рассказы о былом, складывается впечатление, что именно песни помогали в то время людям выживать в условиях, кажущихся нам теперь невозможными. Надолго остается в памяти взгляд синих глаз бабы Луши – ясный, острый, пронзительный. От Лукерьи Васильевны различные исследователи фольклора многократно записывали десятки старинных протяжных песен, духовные стихи, баллады, хороводные, плясовые, календарно-обрядовые песни. Посчастливилось поработать с ней и нашей музыкально-этнографической экспедиции Новосибирской консерватории в с. Северное в 2002–2003 гг.

Крайне интересна также личность ее племянницы – Варвары Харитоновны Рябчиковой (Атопкиной), 1938 г.р. Варвара Харитоновна – представительница второго поколения «кержаков с Белоруссии», родившихся уже на Сибирской земле. Так же, как и тетка, Варвара Харитоновна родилась и жила до 1968 года в Платоновке. Своим кержацким происхождением Рябчикова гордится, рассказывая нам о былой жизни, приговаривает: «кержак все умеет, он вам и спляшет, и дома все сладит, и песню споет». Эти слова хорошо подходят к кипучей натуре самой Варвары Харитоновны. Добротность, основательность, хозяйская хватка, задор видны во всем укладе ее жизни: в крепком кирпичном доме, построенном ее мужем, в хорошо отлаженном хозяйстве, в обильном застолье, в рукоделье и, конечно, в пении. Не один десяток лет Варвара Харитоновна поет в самодеятельном хоре и фольклорном ансамбле Дома культуры с. Северное. К слову сказать, этот коллектив, руководимый Сергеем Григорьевичем Осиповым, директором Дома культуры, нет необходимости представлять, поскольку фольклорный ансамбль с. Северное достаточно знаменит своими выступлениями на фестивалях и смотрах Новосибирской области, г. Новосибирска и других городов; его песенно-танцевальные традиции неоднократно фиксировались фольклори-

стами, филологами, этнографами; несколько десятков песен, записанных в Северном, хранятся и в архиве традиционной музыки колледжа культуры.

В Варваре Харитоновне не столько поражает ее активное участие в жизни певческого коллектива, сколько ее особая заинтересованность в пении старинных («ранешних») песен, желание сблечь, сохранить это искусство, и, главное, осознанное понимание ценности фольклора, чем отличаются не все носители традиции. Деятельная натура Рябчиковой проявляет себя и здесь: вот уже несколько лет она переписывает в тетрадку слова «жержацких» песен, записывает на магнитофон пение Лукерьи Васильевны и других представительниц старшего поколения, собирает аудио- и видеозаписи, посвященные их фольклорному коллективу, а также целеустремленно учится у своей тетки петь, старается усвоить ее манеру пения, поймать каждую прихотливую интонацию старинного распева. Впечатляюще выглядит звучание их дуэта. Чтобы передать это впечатление более ярко и правдиво, опишу один из случаев нашего общения с «северными» пеницами.

Последний вечер пребывания экспедиционной группы в с. Северное. Несколькими днями раньше Лукерья Васильевна нам петь отказалась, ссылаясь на плохое самочувствие. Без всякой уже надежды услышать ее пение, зашли к бабе Луше просто так, попрощаться; магнитофон, однако, с собой взяли. Нашли ее в добром здравии, работающей на своем огороде, отдали гостинцы и отправились к ее племяннице, живущей неподалеку. Харитоновна, выслушав наши жалобы, что ее тетка нам не поет, включила магнитофон с записями пения бабы Луши, чтобы мы ее услышали хоть в таком варианте. А тут и сама она подросла – пришла к племяннице за молоком, вошла в

дом, услышала пение, заслушалась, не узнав в магнитофонном звучании свой голос, и ... стала подстраивать к своему пению подголосок! А потом спрашивает, указывая на магнитофон: «Кто это так поет? Это что, божественное что-то, что ли?» Убедив ее, что поет это она сама, заметив огонек в ее глазах, мы почувствовали, что «дело пошло». И действительно, в тот вечер мы были щедро вознаграждены за прежние отказы. Как запели вместе Лукерья Васильевна и Варвара Харитоновна, так и полились песни одна за другой до поздней ночи, невзирая на усталость, хвори, возраст исполнительниц. Звучали песни и в ответ на наши просьбы о каком-либо конкретном произведении, звучали песни и без всяких просьб. Интересен тембровый колорит их дуэта – драматичная, с эмоциональным накалом манера пения Рябчиковой, чаще всего ведущей верхний подголосок, сочетается с более строгим, аскетичным даже, быть может, уже в силу возраста с менее активной подачей звука, но в то же время более искусным пением бабы Луши (при этом вспоминаются возгласы Харитоновны, временами прерывающие пение: «Ну, никак не могу этот завиток спеть! Как это ты так выводишь?», на что баба Луша добродушно усмехается: «Потом тебе еще раз покажу»).

Сейчас, вспоминая общение с этими замечательными, светлыми, душевно щедрыми людьми, думаешь о том, что нам, людям последующих поколений пока еще есть не только у кого услышать «классические» фольклорные тексты, не только перенять исполнительскую манеру, но и что не менее важно, есть еще у кого поучиться любви и уважению к родной культуре, поучиться сблечь это нерукотворное сокровище. Низкий всем вам поклон, хранители старины, и многая лета!